

Патрушев Сергей

Ледяная принцесса

Сергей Патрушев

Ледяная принцесса

<https://litres.ru/74517258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Принцесса Изабелла — избалованная наследница Валдории, чья магия льда была лишь инструментом для шалостей. Но когда на Север надвигается непобедимая армия Империи Селестия во главе с безжалостным генералом Морканом, Белле приходится повзрослеть за одну ночь.

Превращение из капризной девочки в хладнокровного Генерала-Льда требует жертв: она теряет друзей, руку и веру в человечество. Вместе с циничным наёмником Каэлем ей предстоит построить Ледяную Стену вокруг столицы, пережить предательство при дворе и понять страшную истину: чтобы защитить королевство, нужно стать чудовищем, которого боятся даже свои.

Содержание

Глава 1. Роза в шипах Валдории	4
Глава 2. Скандал в «Пьяном Грифоне»	29
Глава 3. Герой и его эго	50
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Патрушев

Ледяная принцесса

Глава 1. Роза в шипах Валдории

Солнце, еще не успевшее сбросить с себя липкую дремоту октябрьского тумана, лениво цедило бледный свет сквозь высокие стрельчатые окна Северной башни. В этом свете танцевала пыль — миллионы крошечных золотых пылинок, которые казались куда более дисциплинированными существами, чем та, что стояла посреди зала.

Принцессе Изабелле Марианне Элеоноре де Валдор было двадцать лет. По меркам королевства и древних свитков генеалогии она была совершенством. Ее волосы цвета первого, самого чистого снега падали на спину тяжелой волной, которую не могли удержать ни гребни из горного хрусталя, ни заколки из черненого серебра. Кожа принцессы напоминала алебастр, а глаза — два осколка полярного льда, прозрачные до такой степени, что казалось, будто смотришь в замерзшую воду глубокого колодца. Она была прекрасна той самой тревожной, звенящей красотой зимнего утра, когда мир спит под толстым слоем инея, и ты знаешь, что первый же шаг по этому насту оглушительно треснет.

Но красота Беллы была лишь фасадом, за которым скры-

валась не изящная гостиная, а эпицентр урагана. Если природа Валдории снаружи была скована вечной зимой, то внутри принцессы бушевало самое дикое, непредсказуемое лето. Гроза. Сухая, яростная, раскалывающая вековые дубы пополам просто от скуки.

— Ваше Высочество, вы держите запястье так, словно пытаетесь раздавить пойманную жабу, — пропела леди Агата, главная фрейлина двора. В свои шестьдесят пять лет ее спина оставалась идеально прямой только благодаря стальному корсету и многолетней привычке прогибаться под королевскую волю. Сейчас эта спина выражала крайнюю степень мученичества. — Этикет требует легкости. Пальцы должны лежать на клавишине подобно лепесткам лилии на глади озера.

Белла опустила руки. Клавесин, инкрустированный перламутром и стоящий целое состояние, жалобно скрипнул. Вместо того чтобы плавно опустить пальцы, она вонзила их в клавиатуру. Раздался звук, похожий на треск ломающегося льда, переходящий в невыносимый диссонирующий визг. Леди Агата схватилась за сердце. Две младшие фрейлины синхронно ахнули и прижали ладони к щекам.

— Лепестки лилии? — переспросила Белла, поворачиваясь к наставнице. Улыбка на ее губах была ослепительной и абсолютно лишенной тепла. — Вы хотите сказать, как мертвые лепестки, Агата? Те, что сгнили в пруду вашего родового поместья после того, как крестьяне спустили оттуда воду?

Лицо леди Агаты пошло багровыми пятнами. История со

спущенным прудом была темным пятном на гербе ее семьи, о котором при дворе шептались уже третье десятилетие.

— Как вы смеете... — начала она, но голос предательски дрогнул.

— Я смею все, — безмятежно ответила Белла и снова ударила по клавишам. На этот раз один аккорд. Низкий, вибрирующий, от которого завибрировали стекла в свинцовых переплетах. — Музыка должна будить чувства, а не усыплять их, пока придворные дамы считают морщины друг друга. Чувствуете, Агата? Это нота «до». Нота отчаяния. Вашего личного отчаяния.

В углу огромной учебной залы, заставленной глобусами, астролябиями и пыльными томами «Истории завоеваний Севера», стоял мастер Тиберий — учитель географии и политической экономии. Он был сух, как гербарий, и носил парик, который съехал набок от постоянного изумления. Тиберий попытался спасти ситуацию:

— Принцесса, мы обсуждали торговый путь через Перешейки Змеиных Топей. Контрабанда специй упала на двенадцать процентов...

— Потому что ваш кузен, министр торговли, продает те же специи гномам Железных Гор вдвое дешевле, минуя пошлину Короны, — перебила его Белла, даже не глядя в сторону учителя. Она встала из-за клавесина. Шелк ее платья цвета грозовой тучи прошелестел по паркету. — Продолжайте красть, Тиберий. Но делайте это хотя бы с фантазией. Две-

надцать процентов — это оскорбление для бюджета Валдо-рии.

Мастер Тиберий побледнел так, что его парик стал казаться единственным цветным пятном в комнате. Он беззвучно открывал и закрывал рот, выброшенная на берег рыба, облаченная в бархат.

Белла подошла к окну. Под Северной башней располагался внутренний двор замка, где сейчас тренировалась замковая стража. Белла щелкнула пальцами. Не театрально, не на показ — это было легкое, почти раздраженное движение, каким сбрасывают пылинку с плеча. Но воздух во внутреннем дворе мгновенно загустел. Пар изо рта стражников, только что валивший густыми клубами на морозе минус десяти градусов, вдруг превратился в острые, звенящие иглы. Земля вокруг каменного фонтана — нелепой позолоченной статуи пухлого купидона, пускающего струю ржавой воды, — пошла сеткой трещин. Вода в чаше фонтана вскипела белым паром и за секунду обратилась в монолитный лед. Купидон застыл в нелепой позе с открытым ртом, теперь исторгающим не воду, а идеальную сосульку длиной в три локтя.

Стражники, пытавшиеся вытащить примерзшие к древкам алебарды, начали тихо материться. Их сапоги намертво приклеились к брусчатке.

— Отец будет в ярости, — выдохнула одна из фрейлин. — Он лично заказывал этого купидона у мастеров из Солнечной Бухты. Отвалил золотом по весу статуи.

— Именно поэтому, — мурлыкнула Белла, любуясь своим творением. Солнце наконец пробилось сквозь облака, и лед вспыхнул тысячью бриллиантовых граней. — Пусть старый скупердйй поймет, что золото лучше смотрится в казне, а не в виде голого мальчика, писающего на моих будущих фрейлин. Кстати, об отце.

Она резко развернулась. Воздух в зале ощутимо похолодел. Температура упала еще на несколько градусов. Фрейлины зябко передернули плечами.

— Сегодня вечером я еду в город.

Наступила тишина. Такая глубокая, что стало слышно, как потрескивает лед на фонтане внизу и как тяжело дышит леди Агата, пытаясь справиться с корсетом.

— Ваше Высочество, это невозможно, — первой очнулась старшая наставница. — Король Оливер наложил строжайший запрет. После инцидента с бродячим цирком и пожаром на псарне Его Величество постановил, что вы не покинете стены Северного крыла до своего совершеннолетия, которое наступит через полгода.

— Полгода, Агата, — Белла медленно обвела взглядом лица своих мучительниц. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней этой духоты, этих бесконечных уроков вышивания (которое она ненавидела лютой ненавистью), политеса и подсчета чужих прибылей. — Полгода слушать, как вы сравниваете мои манеры с дохлыми лилиями. Я сойду с ума. Или, что гораздо хуже для вас всех, я начну практиковаться в крио-

мантии прямо здесь. Представляете, что станет с вашей коллекцией севрского фарфора, если я случайно чихну?

Она сделала паузу, наслаждаясь ужасом, проступившим на лицах придворных. Коллекция фарфора была единственной настоящей любовью леди Агаты.

— Я сказала: сегодня вечером я еду в город. И я поеду не в закрытую карету с зашторенными окнами, окруженную отрядом латников, от которых пахнет луком и потом. Я поеду одна. Вернее, вдвоем.

— С капитаном гвардии? — с надеждой спросила одна из фрейлин. Капитан Гарольд был суровым ветераном, способным одним взглядом остановить кабана.

— С Томасом-конюхом, — отрезала Белла. — Он умеет молчать, знает все задние дворы столицы и, в отличие от капитана Гарольда, не падает в обморок, когда я случайно покрываю инеем его кружку с элем.

Леди Агата издала странный звук, средний между всхлипом и писком придавленной мыши.

— Конюхом?! Ваше Высочество, дочь короля, Наследница Льда, будущая королева объединенных земель... в компании конюха?! Да ваше имя смешают с грязью! Ваша репутация будет уничтожена!

— Моя репутация, милая Агата, — Белла подошла вплотную к фрейлине. Несмотря на разницу в росте, леди Агате пришлось задрать голову, чтобы смотреть принцессе в глаза. — Уже давно смешана с грязью, потому что живет исключи-

тельно на кончике вашего ядовитого языка. А вот моя свобода начнется сегодня.

Она направилась к двери, ведущей из учебной залы.

— Куда именно направляется Наследница Льда, прежде чем отец велит вырвать ей язык? — крикнул вслед пришедший в себя мастер Тиберий, обретя остатки профессорской дерзости.

Белла остановилась в дверях, положив руку на массивную дубовую створку.

— В трактир «Пьяный Грифон».

Если до этого момента в зале царил тихий ужас, то теперь он сменился полноценной паникой. Мастер Тиберий выронил указку. Леди Агата начала медленно оседать на пол, но зацепилась воротником за резной шкафчик с картами и повисла, хрипя и дрыгая ногами. Фрейлины сбились в дрожащую стайку у дальней стены, словно овцы перед волком.

«Пьяный Грифон» был не просто злачным местом. Это была клоака. Самое шумное, дымное, пьяное и опасное заведение в портовом районе Валдории. Место, где наемники делили награбленное, контрабандисты заключали сделки стоимостью в половину годового налога Короны, а дешевые девицы торговали собой за пару медяков и стакан кислого вина. Там дрались ножами, там проигрывали в карты лошадей, жен и собственные души. Там пахло прокисшим пивом, невымытыми телами, дешевыми свечами и кровью.

Отправить туда принцессу было равносильно тому, что-

бы бросить чистокровную арабскую кобылу в стаю голодных волков.

— Вы не посмеете, — просипела висящая на шкафчике леди Агата. — Стража! Кто-нибудь, задержите ее! Это государственная измена!

Никто не двинулся с места. Замковая стража знала процессу с пленок. Они знали, что бывает с теми, кто пытается встать у нее на пути, когда в воздухе начинает пахнуть озоном и морозом. Два года назад капитан Гарольд попробовал преградить ей дорогу в оружейную. Белла тогда была не в духе. Правая рука капитана до сих пор реагировала на холод и ныла к перемене погоды.

Дверь за принцессой захлопнулась с таким звуком, словно над залом сомкнулись челюсти гигантского зверя.

Король Оливер Третий завтракал. Для человека, чья империя трещала по швам от долгов, чей народ замерзал в нетопленных лачугах, а южные границы грызли кочевники, король выглядел неприлично здоровым. Он сидел за длинным столом красного дерева, уставленным серебряной посудой, и с громким чавканьем поглощал жареного каплуна, разрывая птицу руками. Жир стекал по его тройному подбородку прямо на расшитый золотом халат.

Напротив него, выпрямившись так, что, казалось, позвоночник вот-вот пронзит затылок, сидел Первый советник, лорд-канцлер Малькольм. Человек-трость. Челю-

век-циркуль. Его лицо состояло из острых углов, а губы были настолько тонкими, что исчезали, стоило ему перестать говорить. Между ними лежал открытый кожаный футляр.

— Двадцать тысяч золотом, — проскрипел Малькольм, постукивая длинными узловатыми пальцами по краю стола. — Орден Серебряного Щита запрашивает двадцать тысяч авансом за удержание перевала Ворона. Кочевники пустили им кровь неделю назад. Еще неделя, и они будут пить вино в тронном зале.

Олифер рыгнул, вытер рот рукавом халата и откусил ногу каплуна. — Скажи им, пусть подержатся на соплях. Денег нет. Мы выплатили процент по займу Южным Островам в прошлом месяце. Эти акулы из торгового синдиката сожрут меня живьем, если я не переведу остаток до зимы.

— Ваше Величество, армия разваливается, — терпеливо, как объясняют очевидное умственно отсталому ребенку, произнес Малькольм. — Жалованье солдатам не плачено третий месяц. Капитан Гарольд докладывает, что половина латников торгует казенными арбалетами, чтобы купить хлеб.

— Пусть торгуют, — пожал плечами король, обсасывая косточку. — Главное, чтобы стреляли, когда я скажу. Кстати, о стрелках. Где твоя племянница? Что докладывают шпионы из Северной башни? Надеюсь, она наконец научилась отличать вилку для рыбы от десертной?

Малькольм позволил себе легкий вздох, от которого его кадык дернулся, как поршень. — Она научилась превращать

воду в кровь, сир. По крайней мере, вчера утренний паж упал в обморок, увидев розовый лед в кубке принцессы.

— Девчонка всегда была с причудами, — добродушно заметил Оливер. — Вся в мать. Та тоже любила устраивать представления. Помню, заморозила мне весь эль в погребе, когда я отказал ей в новой шубе. Едва отбил молотком. Так чему она сегодня радуется?

Советник медленно закрыл крышку футляра. Внутри, на бархатной подкладке, покоился брачный договор, скрепленный печатями дома Черной Гавани. Брак принцессы Изабеллы с герцогом Ренаром должен был решить проблему северных границ раз и навсегда. Герцог был старым, жестоким, богатым и владел лучшей частной армией на континенте. Ему нужна была кровь Валдории, чтобы претендовать на престол Объединенных Королевств. Оливеру нужен был меч герцога, чтобы не потерять свой.

— Радуетса она свободе, сир, — ровным голосом сказал Малькольм. — Сегодня утром занятия были сорраны. Ле-ди Агата госпитализирована с нервным припадком. Мастер Тиберий подал прошение об отставке, заявив, что больше не может преподавать географию человеку, который считает, что Змеиные Топи можно перейти вброд, если предварительно их заморозить.

— Отправьте девчонку в монастырь! — рявкнул Оливер, швыряя обглоданную кость на тарелку. — Самый строгий. За высокими стенами. Без окон.

— Монастырь исключен, — возразил канцлер. — Аббатиса Святого Озера отказалась принимать принцессу после того случая с говорящими скворцами. Вы помните? Когда вся братия решила, что в них вселились демоны, а Белла просто хотела узнать курс акций шерстяных мануфактур?

Король помрачнел. Скворцов он помнил. Демоны оказались куда более приятными собеседниками, чем большинство его министров.

— Тогда найди ей мужа поскорее, Малькольм. Выдай за Ренара завтра же. Пусть этот старый медведь укротит мою кошку.

— Укрощение кошки динамитом обычно заканчивается выжженным домом, — заметил советник. — Сир, новости из города. Мои люди в порту сообщают, что принцесса покидала замок. Через калитку для угольщиков. В сопровождении одного слуги.

Челюсть короля, жевавшая мясо, замерла. Кусок недожеванной птицы перекатился за щекой.

— Куда? — тихо спросил он.

— В «Пьяного Грифона».

Тишина, повисшая в обеденном зале, была тяжелее могильной плиты. Было слышно только, как жир остывает на тарелке короля. Лицо Оливера начало стремительно менять цвет — от нездорового багрового к мертвенно-серому. Серый цвет очень шел его предкам-некромантам, но крайне плохо смотрелся на здоровом лице любителя каплунов.

— Повтори, — прохрипел король.

— Принцесса направилась в нижний город, — повторил Малькольм, и впервые за долгие годы в его бесстрастном голосе прозвучала нотка искреннего страха. — В самый грязный трактир побережья.

— Зачем?! — взревел Оливер, вскакивая так резко, что тяжелый дубовый стул отлетел назад и врезался в гобелен с изображением охоты на единорога. — Ей скучно?! Ей мало того, что она превратила мой парадный фонтан в ледяную глыбу?! Она хочет посмотреть, как режут людей?!

— Она ищет ответы, сир, — осторожно произнес канцлер. — Или вопросы. В любом случае, оставлять ее там нельзя. Нижний город болен. Чумой, бунтом и свободомыслием. Один слух о том, что принцесса ночует среди грузчиков и шлюх, обрушит курс нашего векселя быстрее, чем война. А если с ней что-то случится... если ее узнают...

Оливер тяжело дышал, сжимая и разжимая кулаки. Его мясистые пальцы побелели. Страх боролся в нем с отцовским гневом и политическим расчетом. Если Беллу изнасилюют или убьют в какой-нибудь канаве, династический брак отменится. Северный фронт рухнет. Но если она вернется живой... О боги, если она вернется живой после ночи в «Грифоне», слухи расползутся по столице со скоростью лесного пожара. Народ любит хаос. Народ полюбит принцессу, которая пьет с матросами. А полюбив ее, народ перестанет бояться вечно холодного, отстраненного короля.

— Гарольд! — взревел король, бросаясь к дверям.

Начальник гвардии вырос словно из-под пола, придерживая ножны палаша. — Мой государь!

— Ты слышал, где моя дочь?

Гарольд мрачно кивнул. Старый вояка выглядел так, словно только что похоронил лучшего друга. — Слышал, сир. Мои соглядатаи потеряли ее в Кривом переулке. Там слишком узко для лошадей, а идти пешком... никто из моих ребят не горит желанием проверять, насколько хорошо принцесса усвоила урок по созданию ледяных шипов.

— Мне плевать на шипы! — прорычал Оливер, натягивая поверх халата первую попавшуюся под руку кирасу. Она оказалась детской, игрушечной, принадлежащей какому-то пажу, и со звонким треском лопнула на животе короля. — Мне нужно ее тело! Живым или... Нет, только живым! Бегом, олухи! Взять паланкин! Десяток людей! Переодеться в купеческое платье! Никого не убивать, если не полезут первыми!

— Сир, — мягко, но властно вклинился Малькольм, делая шаг вперед. — Десяток латников в кольчугах в «Пьяном Грифоне» — это объявление войны всему портовому кварталу. Мы потеряем контроль над городом до рассвета. Позвольте мне.

Король повернул к советнику красное, искаженное яростью и одышкой лицо. — Что ты предлагаешь, змея? Задушить ее словами?

— Я предлагаю послать двоих, — спокойно ответил канцлер. — Самых незаметных. Моего человека из Тайной канцелярии. И... кого-нибудь, кому принцесса доверяет. Кого-то, кто сможет подойти к ней в толпе и шепнуть на ухо, что пора домой. Без шума. Без магии. Просто забрать ее, пока она не устроила международный скандал, угостив портовый сброд элем за счет казны.

Оливер смерил советника тяжелым взглядом, затем посмотрел на обломки своей кирасы. — Два человека, — процедил он. — Если хоть волос упадет с ее головы, Малькольм, я заморожу твой язык в твоей собственной глотке. Живо!

А в это время объект монаршего беспокойства сидела за липким столом в самом дальнем, самом темном углу «Пьяного Грифона».

Трактир оправдывал свою славу. Здесь было темно, как в желудке кита, и сизо от табачного дыма, который висел под низкими балками плотными слоями. В воздухе плавала густая взвесь запахов: жареный лук, мокрая шерсть, дешевый табак, кислое пиво и неистребимая вонь выгребных ям, проникающая сюда из подвала. Гомон стоял такой, что приходилось кричать самому себе, чтобы услышать мысли.

За соседним столом трое бородатых верзил в коже и железе играли в кости, периодически повышая голос до рева и хватаясь за короткие тесаки. В центре зала двое моряков выясняли отношения, используя вместо аргументов тяжелые

глиняные кружки. Хозяин заведения, одноглазый детина по прозвищу Ржавый, протирал стойку грязной тряпкой, которая оставляла на дереве новые слои грязи.

Томас, конюх, приставленный к Белле еще в детстве за умение держать язык за зубами, сидел рядом с ней, сгорбившись и стараясь занимать как можно меньше места. На нем была старая куртка принца-наследника, перешитая для верховой езды, но даже она выглядела здесь вызывающе добротно.

— Ваше Высочество, — просипел Томас, не открывая рта, — нам нужно уходить. Прямо сейчас. Тот тип в углу, видите? Левый глаз стеклянный. Он смотрит на нас уже десять минут. Такие типы смотрят либо чтобы ограбить, либо чтобы убить. Обычно сначала одно, потом другое.

Белла не смотрела на типа со стеклянным глазом. Она смотрела в свою кружку. Перед ней стоял не благородный бокал из венецианского стекла, а щербатая деревянная посуда, от которой несло кислятиной. Принцесса аккуратно, двумя пальчиками, коснулась поверхности напитка.

Дерево под ее рукой начало покрываться тонким, изысканным узором инея. Холод распространялся быстро. Кружка затрещала. Поверхность пива в центре мгновенно замерзла, образовав идеальный ледяной диск.

— Остынет же, — буркнула Белла и сделала большой глоток.

Поскольку центр был льдом, а края оставались жидкими

от тепла ее рук, напиток приобрел невероятную текстуру — колючий, обжигающий горло коктейль из ледяной крошки и горького пива. Белла удовлетворенно прикрыла глаза.

— Томас, прекрати трястись, — сказала она, не открывая глаз. — Ты шумишь. И твои колени стучат друг о друга так громко, что заглушают скрипача. Посмотри вокруг. Разве это не прекрасно?

— Прекрасно?! — чуть не подавился слюной конюх. — Тут пахнет так, что мои легкие пытаются выбраться наружу через нос! Ваше Высочество, вы единственная женщина в радиусе ста миль. И единственная особа королевской крови, наверное, за всю историю этого гадюшника. Вас зарежут за ваши серьги раньше, чем вы успеете превратить убийцу в снеговика!

Белла открыла глаза. Ледяной взгляд встретился с перепуганным взглядом Томаса. — Мои серьги стоят меньше, чем кольцо на мизинце того парня у стойки, Томас. А тот парень — младший сын графа Восточного Приграничья, который проиграл наследство в трик-трак и теперь промышляет кражей породистых собак. Никто здесь не знает меня в лицо. Для них я просто смазливая богатенькая девочка, которая пришла искать приключений на свою хорошенькую задницу.

Она допила пиво одним долгим движением, откинув голову. Деревянная кружка окончательно рассыпалась в ее руках, превратившись в кучку ледяной трухи и щепок. Белла безразлично стряхнула их с юбки.

— Видишь того господина? — она едва заметно кивнула головой в сторону дальнего конца стойки. Там, утопая в тени, сидел человек в сером дорожном плаще с глубоким капюшоном. Он не пил. Он вообще не двигался, сливаясь с темнотой. Только иногда лунный свет, падающий из разбитого окна, отражался в чем-то металлическом на его поясе. — Он следит за входом. Профессионально. Не глазами. Плечами. Расслабь зрение, Томас. Следи за теньями.

Конюх послушно напряг зрение, но увидел только клубы дыма. — Я ничего не вижу, кроме грязи.

— Конечно, не видишь, — усмехнулась Белла. — Тебя учили чистить денники, а не читать комнату. Этот человек ждет. Вопрос — кого? Сюда постоянно входят и выходят. Значит, он ждет конкретного человека. Или события.

Она наклонилась ближе к Томасу, понижая голос до шепота. Несмотря на гомон трактира, слова звучали в ушах конюха оглушительно четко — принцесса невольно применила крупницу магии, чтобы усилить звук. — Магистр ордена Золотой Розы прибывает в Валдорию инкогнито через западные ворота завтра на рассвете. Об этом знают четверо: король, Малькольм, начальник западных врат и я. Потому что прошлой ночью я заморозила почтовых голубей Малькольма и прочитала депеши, пока они пытались согреться. Магистр везет с собой Печать Верховного Канцлера. Настоящую. Ту самую, которой подписывают отречения от престола.

У Томаса перехватило дыхание. — Ваше Высочество...

если король узнает, что вы читаете государственную почту...

— Король узнает только то, что я ему позволю узнать, — отрезала Белла. — Печать используют, чтобы подписать мой брак с этим мешком гниющего жира, герцогом Ренаром. Меня хотят продать, Томас. Продать, как племенную кобылу, чтобы закрыть дыру в бюджете. Меня лишают выбора. Последнего, что есть у человека.

Ее голос дрогнул. Впервые за вечер в нем прозвучала не сталь, а хрупкость. Тонкая кромка льда, готовая пойти трещинами.

— Поэтому я здесь, — продолжила она тише. — Я ищу информацию. Я хочу знать, кто стоит за колебанием цен на зерно, почему орден Серебряного Щита пропускает кочевников за взятки, и откуда у моего отца появились деньги на новый золотой сервиз, если налоги собраны едва на треть. Я устала быть красивой мебелью в золотой клетке. Я хочу понимать, как работает механизм, который перемалывает жизни людей там, за стенами. — Она махнула рукой в сторону двери, за которой простирался огромный, грязный, пульсирующий жизнью город. — Чтобы однажды нажать на нужные шестеренки.

Она замолчала. Томас смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Он видел принцессу разной: капризной, жестокой, гениальной, невыносимой. Но сейчас, в тусклом свете коптящих ламп «Пьяного Грифона», он видел перед собой не двадцатилетнюю девочку. Он видел хищника. Опасного,

прекрасного и абсолютно одинокого.

— Вы играете в очень опасные игры, — прошептал он.

— Игры закончились, Томас, — улыбнулась Белла, и эта улыбка заставила бы содрогнуться закаленных ветеранов. — Началась политика.

Она выпрямилась, поправляя складки платья. Внезапно плечи ее напряглись. Она смотрела прямо перед собой, поверх голов пьяниц, в сторону входа.

Дверь трактира с глухим стуком ударилась о стену. На пороге возник силуэт, загородивший собой тусклый свет уличных фонарей.

Фигура была массивной. Широкие плечи, обтянутые грубым сукном, казалось, заполнили собой весь дверной проем. Голова вошедшего была слегка наклонена, словно он изучал помещение. А затем он шагнул внутрь.

И гомон в «Пьяном Грифоне» начал стихать. Не сразу, не испуганно, а медленно, вязко, как вода уходит в песок. Сначала замолчали игроки в кости. Потом притихли ругающиеся матросы. Скрипач оборвал мелодию на высокой ноте. Даже хозяйский кот, драный и одноглазый, перестал вылизывать миску и юркнул под стойку.

Человек сделал еще шаг. Теперь на него падал свет.

Это был мужчина неопределенного возраста — могло быть сорок, а могло и все шестьдесят. Его лицо было похоже на старую карту, исчерченную дорогами и шрамами. Глубокие морщины, выдубленная ветрами кожа, квадратный под-

бородок. Но самым страшным были глаза. Светло-серые, почти белые, совершенно лишенные ресниц. Они смотрели не на предметы. Они смотрели *сквозь* них.

Он остановился посреди зала. Огромный, неподвижный, источающий ауру абсолютной, непререкаемой власти. Люди инстинктивно отшатывались от него, освобождая пространство, образуя идеальный пустой круг диаметром шагов в десять.

Белла видела таких людей. Однажды, на приеме в честь дня рождения отца, привезли северного шамана из-за Стылого хребта. Он точно так же вошел в бальный зал, и свечи погасли сами собой от одного его присутствия.

Незнакомец медленно повел головой, сканируя тени. Его взгляд скользнул по столу игроков, по паре целующихся в углу шлюх, по хозяину, ставшему белее мела. Затем эти жуткие, пустые глаза нашли угол, где сидели принцесса и конюх.

Взгляд остановился. Замер.

Белла почувствовала, как температура воздуха вокруг нее упала. Но это был не ее дар. Это исходило от незнакомца. Ледяная волна первобытного, нечеловеческого холода поползла по полу. Томас начал мелко дрожать, его зубы выбивали дробь. Деревянный стол под руками Беллы покрылся толстой коркой инея.

— Вот оно что, — произнес незнакомец. Голос у него оказался неожиданно тихим, рокочущим, как сходящая лавина. Он не повышал его, но слышали все. — Никакая это не

смазливая девочка.

Он сделал шаг в их сторону. Толпа испуганно охнула и подалась еще дальше к стенам.

— Ты сияешь, — продолжил мужчина, глядя прямо в глаза Белле. — Во всем этом городе тьмы, грязи и дешевого жира ты горишь, как кусок сухого льда в выгребной яме. Невозможно спрятать солнце под корзиной, верно, малышка?

Белла медленно, очень медленно поднялась из-за стола. Она была выше Томаса на голову, но рядом с этим человеком чувствовала себя ребенком. Однако страх, холодный и липкий, отступал перед другим чувством — жгучим, всепоглощающим любопытством.

Впервые в жизни кто-то смотрел на нее и видел не принцессу. Не Наследницу Льда. Не политический актив.

Они видели саму суть.

— Кто вы? — спросила она. Ее собственный голос показался ей хриплым и слабым, но магия услужливо подхватила его и понесла через весь зал, чистой и ясной нотой разрезая густой воздух.

Незнакомец растянул губы в подобии улыбки. Улыбка выглядела на его лице как трещина в граните. — Называй меня Каин. Хотя... — он на мгновение прикрыл свои жуткие глаза, словно прислушиваясь к чему-то далекому. — Здесь, в Валдории, меня чаще называют Призрачным Волком.

Он подошел вплотную к столу. Теперь их разделяло всего несколько дюймов. Холод стал невыносимым. У Томаса на

усах повисли сосульки.

— Тебе не место здесь, Розочка, — сказал Каин, склоняясь ниже. Его дыхание не пахло ничем — ни едой, ни вином, только стерильным холодом горных вершин. — Твои шипы хороши против разбойников. Но в лесу, куда ты забрела, водятся звери, которые едят розы вместе с корнями и землей. И им нравится вкус твоего огня.

— Я могу заморозить море, — ответила Белла, поднимая подбородок. Она вложила в эти слова всю свою королевскую спесь, но они прозвучали жалко. — Я могу обратить в лед целую армию.

— Армии боятся холода, — согласился Каин. — Но холод не убивает идеи. А тебя пришли убивать не солдаты, маленькая принцесса. Тебя пришел убивать порядок вещей.

В этот момент дверь трактира снова распахнулась. На этот раз вошли люди короля. Дюжина фигур в длинных купеческих плащах, неумело прячащие руки на эфесах мечей. Впереди, тяжело отдуваясь и блестя лысиной, покрытой каплями пота, семенил переодетый лорд Малькольм. Его аристократический нос морщился от отвращения, но глаза бежали по залу с лихорадочной быстротой, высматривая белый шелк принцессы.

Заметив Беллу, канцлер издал квохчущий звук облегчения и ринулся вперед, раздвигая внезапно загустевший воздух. — Ваше Высочество! Слава небесам! Вы простудитесь! Король вне себя! Нам нужно немедленно вернуться! Герцог

Ренар прислал подарки...

Вся сцена заняла не больше секунды. Двенадцать вооруженных мужчин, бегущий толстый советник, обнадежившаяся было стража у дверей.

Каин даже не повернул головы. Он продолжал смотреть в глаза Белле.

— Выбор, — прошептал он. — Вот единственное, чего они тебе никогда не дадут. Служить или умереть. Замерзнуть в клетке или сгореть на воле.

Малькольм добежал до стола и схватил принцессу за локоть. — Немедленно идемте! Вы позорите Корону!

То, что произошло дальше, случилось одновременно.

Белла, движимая слепой, неконтролируемой яростью на вторжение, на эту грязь, на этот чужой холод, сжала пальцы свободной руки.

Воздух вокруг руки канцлера Малькольма мгновенно кристаллизовался. Лед пошел по его дорогому бархатному рукаву, охватил шею, запечатал рот, готовый извергнуть очередную порцию упреков. Старик выпучил глаза, его ноги оторвались от пола, и он завис в воздухе, полностью заключенный в прозрачную, стремительно твердеющую глыбу, напоминающую нелепую статую праведного гнева.

В то же самое время люди короля, увидев своего начальника в ледяном плену, а рядом с ним огромного, излучающего смерть незнакомца, растерялись ровно на полсекунды. Этого хватило.

Рука Каина, огромная, как окорок, метнулась вперед со скоростью броска гадюки. Он не обнажил оружия. Он просто схватил за грудки ближайшего латника. Раздался отвратительный хруст ткани и костей. Мужчина взлетел в воздух и, пролетев через весь зал, спиной вперед вынес собою центральную опорную колонну трактира. С потолка посыпалась труха, куски штукатурки и отчаянно вопящая кошка.

Остальные гвардейцы выхватили клинки. Сталь зазвенела, покидая ножны.

Каин вздохнул. Казалось, он делает это просто от скуки.

Он шагнул навстречу вооруженным мужчинам.

Первый клинок устремился к его сердцу. Незнакомец небрежно качнулся в сторону, пропустив лезвие в дюйме от себя, и его ладонь рубящим ударом встретила предплечье нападавшего. Звук был такой, словно сломали сухую доску. Меч упал на пол, а владелец рухнул следом, заливаясь кровью из перерубленных артерий.

Второй попытался зайти сбоку, занося топор. Каин поймал топорище левой рукой. Дерево задымилось и почернело от чудовищного сжатия, а затем расщепилось в щепки. Свободной правой рукой Призрачный Волк нанес короткий, экономный удар открытой ладонью в грудь солдата. Мужчину отбросило назад. Он врезался в стол, проломил его и остался лежать неподвижно. Сердце остановилось от гидроудара, не выдержав соприкосновения с первобытной силой.

Это не был бой. Это была уборка урожая. Бойня.

Белла смотрела на это, забыв дышать. Она видела смерть. Но такую... чистую. Эффективную. В этом не было злобы. Была лишь физика. Непреодолимая сила, устраняющая препятствия.

Глава 2. Скандал в «Пьяном Грифоне»

Воздух пах озоном, кровью и раскаленным камнем.

То, что для Беллы было первым настоящим столкновением с уличной магией смерти — первобытной, лишенной придворного лоска и этикета, — заняло не более десяти ударов сердца. Зал «Пьяного Грифона» превратился в анатомический театр ужасов. Центральная колонна лежала на полу, погребя под собой три стола и ту самую несчастную кошку, которая теперь орала дурным голосом из-под завала. Четверо королевских латников корчились на грязных досках; двое уже затихли навсегда, их грудные клетки были просто вдавлены внутрь невидимым прессом. Остальные пытались ползти к выходу, оставляя за собой темные липкие следы.

Каин стоял посреди этого хаоса совершенно неподвижно. Его серый плащ был чист, если не считать легкой пыли от рухнувшей штукатурки. Он медленно разжал кулак, и тело последнего наемника безвольно сползло по стене, которую только что украсило мокрым красным пятном. Призрачный Волк повернул голову. Его белые глаза без зрачков нашли лицо принцессы. В них не было ни угрозы, ни удивления. Только тяжелая, вековая усталость.

— Твой лед слишком правильный, Розочка, — пророко-

тал он, перекрывая стоны раненых. — Ты замораживаешь воду. А нужно замораживать волю. Разница между льдом на пруду и ледником, который стирает горы в пыль, лишь в одном — в понимании того, куда давить.

Он сделал шаг назад, растворяясь в клубах оседающей пыли так же бесшумно, как туман уходит в лесную чащу. Просто еще одна тень среди обломков. И дверь трактира закрылась за ним сама собой, хотя ветра не было.

Белла стояла, сжимая в побелевших пальцах ножку разбитой кружки. Томас сидел под столом, накрыв голову руками, и тонко выл. Лорд Малькольм внутри своей персональной глыбы льда вращал глазами, пытаясь кричать сквозь ледяную пробку, запечатавшую рот.

В наступившей звенящей тишине раздался одиночный хлопок. Кто-то лениво аплодировал.

Белла резко обернулась. За соседним столиком, небрежно закинув ногу на ногу, сидел человек, которого мгновение назад здесь не было. Или, точнее, его никто не замечал. На нем была алая рубашка с воротом, распахнутым ровно настолько, чтобы продемонстрировать отсутствие стыда и наличие весьма ухоженной грудной клетки. Длинные волосы цвета воронова крыла падали на плечи, а на смуглом лице играла улыбка человека, который выиграл главный приз в лотерею жизни, даже не покупая билета. Рядом с ним на скамье лежала потертая лютня с головой смеющегося сатира на резонаторе.

— Браво, моя госпожа, — бархатным голосом произнес

незнакомец, отсалютовав ей глиняной кружкой. — Я видел много фокусов на ярмарках. Один парень из Ольтена мог заставить голубя вылететь из уха бургомистра. Но превратить дюжину вооруженных мужиков в мясное рагу и ледяные скульптуры, сохранив при этом идеальную укладку... Это заслуживает отдельной баллады. Позвольте представиться. Лирик. Скальд, поэт, философ второго сорта и лучший любовник четвертого континента, по мнению моей матушки.

Шок начал отступать, уступая место тому самому холодному, расчетливому бешенству, которое обычно предшествовало самым грандиозным катастрофам в стенах замка.

— Вы сидели здесь все это время? — процедила Белла, чувствуя, как ее начинает мелко трясти от адреналина.

— С самого начала пьесы, — кивнул Лирик. — Занял места в партере. Должен заметить, антракт вышел кровавым. Обычно вы, благородные дамы, ограничиваетесь тем, что превращаете вино собеседника в уксус, когда вам отказывают в третьем танце. Вы решили начать сразу с четвертого акта?

Томас осторожно высунул нос из-под столешницы. Увидев, что летящие куски тел закончились, он выполз полностью, встал на четвереньки и пополз к ногам принцессы, словно верный пес. — Ваше Высочество, — прохрипел коных, глядя снизу вверх полными слез глазами. — Стража у дверей... они видели вспышку. Они бегут сюда. Если нас узнают...

Лирик отставил кружку и изящно поднялся. Ростом он оказался почти с Беллу — редкость для мужчины, привыкшего смотреть на женщин сверху вниз. — Если вас узнают, милая леди, то через час об этом будет петь весь портовый квартал. А через два дня — вся Валдория. Король любит свою дочь, спору нет, но Корона ненавидит публичный позор сильнее, чем измену. Вас запрут в Башне Плача до конца ваших дней. Будете вышивать рушники гладью и сходить с ума от скуки.

Он подошел ближе, сократив дистанцию до неприличной. От него пахло дешевым табаком, вином и чем-то неуловимо диким, звериным. — У меня есть предложение получше. Бегство. Экстренная эвакуация легенды. Но для этого нам придется немного испортить ваш очаровательный наряд.

Прежде чем Белла успела возразить или спросить, что именно замыслил этот наглец, он схватил со стола ближайшую миску с остатками какой-то серой похлебки. — Не дергайтесь, принцесса. Красота требует жертв, а свобода — грязи.

Он выплеснул содержимое миски прямо ей в лицо.

Это была не столько грязь, сколько кулинарное преступление против человечества. Остывшее варево из тревухи, гороха и прогорклого лука стекало по шелку платья, волосам и бледной коже. Белла задохнулась от воню и возмущения. Магия вспыхнула вокруг нее инстинктивно, воздух пошел морозным паром, но Лирик ловко перехватил ее запястье.

— Спокойнее! — прошипел он. — Хотите заморозить свои собственные ресницы? Играем роль!

Он толкнул ее к дальней стене, где располагалась стойка хозяина, затем сгреб в охапку пытающегося сопротивляться Томаса и швырнул его следом. — Вы трое! — рывкнул бард трем забившимся под лавку купцам. — Сюда! Живо! Обопритесь на стену, сделайте вид, что мы пьяны и ищем утех! Закройте ее своими тушами!

Купцы, парализованные видом бойни, послушно прижались к Белле, загородив ее от входа своими объемными животами. Лирик нырнул под стойку, повозился там секунду и выпрямился, держа в руках ворох вонючего тряпья. — Переодеваемся. Быстро. Штаны можете оставить, Ржавый коллекционирует дворянское белье, пусть порадуется. Рубашку и куртку — долой.

Соппротивляться было некогда. Грохот тяжелых сапог стражи Королевской Тайной канцелярии уже сотрясал крыльцо. Белла сбросила превратившееся в мерзкую тряпку верхнее платье. Оставшись в одной тонкой нижней сорочке, она, не стесняясь присутствия мужчин (стыд сгорел вместе с адреналином), натянула предложенную Лириком грубую кожаную куртку, пропитанную потом и дегтем. Она оказалась ей велика, пахла псиной и едва прикрывала бедра.

— Голову ниже, — скомандовал бард, сам облачаясь в такой же засаленный дублет. — Томас, ты сейчас мой раб. Неси лютню. Лицо попроще, интеллект погуще. Мы — бро-

дчие музыканты. Нас ограбили. Украли золото, одежду и остатки достоинства.

Дверь слетела с петель.

В зал ворвались люди в черных кожаных одеждах поверх кольчуг. Впереди, тяжело дыша и опираясь на трость, семенил лорд Малькольм. Ледяная глыба вокруг него растаяла, оставив канцлера мокрым, жалким и багровым от унижения. Вода хлопала в его дорогих туфлях. — Принцесса! — взвизгнул он, оглядывая разгром. — Где Изабелла?!

Таверна ответила ему гулом испуганных голосов. Никто ничего не понял. Драка была. Кровь была. Ледяной столб, пронзивший крышу и торчащий теперь наружу, как палец разгневанного бога, тоже был. Но людей в черном интересовала конкретная фигура.

Лирик, стоявший в самом центре зала рядом с перевернутым столом, театрально развел руками. Его голос изменился — вместо бархатных нот зазвучал пропитой бас гуляки. — Какая принцесса, господин хороший?! Тут такое творилось! Демоны! Этот здоровяк в сером, он кишки им выпускал голыми руками! А девка та белая... Говорят, она вообще исчезла! Испарилась! Вместе с моим кошельком, кстати!

Малькольм оттолкнул барда с дороги. Советник смотрел на разрушения расширенными от ужаса глазами. Он понимал масштаб катастрофы. Это больше не дисциплинарный проступок. Это международный инцидент. Белый маг такого уровня в столице — это либо казнь, либо война.

— Обыскать каждый угол! — просипел канцлер, брызжа слюной. — Перевернуть город! Найдите мне эту девчонку, пока король лично не насадил мою голову на пику!

Стражники рассыпались по залу. Двое направились к углу, где жались к стене Белла, Томас и случайные купцы.

Белла сжала зубы. Холод снова поднимался изнутри, срывая диафрагму. Ей хотелось заморозить язык Малькольма прямо в его глотке. Хотелось поднять руки и обрушить потолок на головы этих черных курток. Но пальцы Лирика стальной хваткой впились в ее предплечье.

— Дыши, — едва слышно выдохнул он. — Играй роль. Пьяная. Жалкая. Никчемная.

Когда один из стражников подошел вплотную, грубо отпихнув плечом толстого купца, Белла икнула. Громко. По-мужски. Затем пошатнулась и оперлась рукой о плечо Томаса, чуть не свалив юношу с ног. — Ик... Че уставился? — выдавила она, стараясь сделать голос максимально низким и сиплым. — Ик... Работу работай, холуй. Видишь, мы тут пострадавшие? Музыканты мы. Эти сволочи, — она махнула рукой в сторону трупов, — нашу скрипку потоптали. Ик... Теперь играть не на чем. Дай монетку на опохмел, служивый, душа горит.

Стражник замер. Черная кожа Тайной канцелярии обязывала ко многому, но инструкции не включали досмотр подозрительных шлюх и оборванцев после массовой резни, если те не проявляли признаков владения стихиями. Он смерил

взглядом сутулую фигуру в вонючей куртке, перевел взгляд на опухшее от страха лицо Томаса, на блеснувшую в свете факелов медную серьгу в ухе «барда». — Проваливайте отсюда, сброд, — буркнул агент, отворачиваясь. — Пока я не решил, что вы свидетели.

Лирик тут же согнулся в глубоком, издевательском поклоне, едва не коснувшись лбом грязного пола. — Благодарствую, ваша милость! Да продлит Вечность ваши геморроидальные узлы! Пойдем, детка, найдем тебе ведро воды.

Они выбрались из-за стойки. Толпа перед ними расступалась. Люди смотрели на принцессу Валдории — наследницу древней крови, будущую королеву — одетую в свиную кожу, провонявшую требухой, с ошметками гороховой каши в волосах. Для них она была просто очередной перепуганной девицей из высокого квартала, чудом выжившей в поножовщине.

Оказавшись на улице, на пронизывающем осеннем ветру, Белла глубоко вдохнула холодный воздух, пытаясь избавиться от запаха рвоты в носу. — Ты... ты вылил на меня помои, — прошипела она, поворачиваясь к Лирику. Ее трясло уже не от страха, а от холода и ярости. Кожа покрылась мурашками, и края кожаной куртки начали покрываться тонким бисером инея.

— Лучшая маскировка в мире — социальное дно, — невозмутимо ответил бард, набрасывая ей на плечи свой собственный теплый шерстяной плащ. — Ни один уважающий

себя шпион короля не станет искать принцессу в куче мусора. Там воняет достоинством, ваше высочество. Привыкайте.

Томас, дрожащий мелкой дрожью, протянул ей лютню. — Что... что делать с Томасом? — спросила Белла, плотнее запахивая чужую шерсть. — Он знает. Он выдаст нас, как только испугается еще раз. А он пугается каждые пять минут.

— Я наложу на него временную амнезию, — пожал плечами Лирик. — Ничего сложного. Забудет последние полчаса. Будет помнить только, что упал с лошади и ударился головой. Отведем его в ночлежку, сунем пару монет. Проснется завтра героем, победившим похмелье.

— Нет, — отрезала Белла. Голос ее внезапно стал таким властным, что даже выдавший виды бард приподнял бровь. — Он пойдет с нами. Он единственный, кто умеет держать поводья и молчать одновременно. Мне нужен тот, кому я могу доверять спину, когда эти черные крысы поймут, что их провели.

Она посмотрела на конюха. Тот сглотнул, но встретил ее взгляд. Страх никуда не делся, но теперь в глазах Томаса плескалось нечто иное — безумный восторг авантюры. — Как прикажете, моя госпожа, — тихо сказал он.

Лирик усмехнулся, доставая из-под полы флягу. — Отлично. Команда подобрана: свергнутая богиня, смертельно напуганный мальчик и циничный алкоголик. Куда направимся? Предлагаю ко мне. У меня отличная комната над

рыбной лавкой. Крыша течет, зато соседи тараканы, которые соблюдают нейтралитет.

Белла проигнорировала предложение. Она смотрела обратно, на вход в «Пьяного Грифона». Дверь снова открылась. На улицу вывалились оставшиеся в живых агенты Тайной канцелярии, поддерживая под руки шатающегося, белого как мел Малькольма. Канцлер посмотрел вслед троице удаляющихся фигур, прищурился, словно пытаясь пробить темноту своим взглядом, а затем вдруг захрипел и осел на мостовую, потеряв сознание.

— Кажется, старик заметил твою куртку, — прокомментировал Лирик. — У тебя нитка на рукаве светится лунным светом. Аристократическая привычка использовать зачарованную пряжу.

— Нам нельзя идти к тебе, — сказала Белла. — И в замок нельзя. Мой отец выставит на каждой площади по сто гвардейцев.

— Тогда остается только одно место, где власть Короны заканчивается, а власть золота начинается, — Лиртуга щелчком пальцев заставил лютню прыгнуть ему в руки. — Нижний Храм. Подземелья гильдии торговцев. Там такие дела скрывают каждый вторник. Идемте, дамы и господа. До рассвета далеко, а мои песни сами себя не сложат. Нужно увековечить момент, когда принцесса замерзла штаны полови-
не тайной полиции.

Они шли по лабиринту нижних улиц Валдории. Город жил своей ночной жизнью — хищной, жадной, пульсирующей в такт ударам волн о каменные пирсы. Здесь не было газовых фонарей аристократического квартала, только редкие масляные плашки, коптящие лица прохожих.

Лирик вел их уверенно, петляя по переулкам, названия которых лучше было не знать. Несколько раз им попадались патрули городской стражи. Толстобрюхие стражники в ржавых шлемах шарахались в стороны, едва завидев лютню барда. Творческие личности имели дипломатическую неприкосновенность везде, где слово ценилось выше меча, а песня могла стоять дороже взятки.

Белла шла, высоко подняв подбородок. Даже в одежде с помойки, с вонью на волосах, она несла себя так, будто ступала по персидским коврам дворца. Каждый шаг отдавался болью в стертых ногах — легкие атласные туфли не предназначались для прогулок по булыжникам, щедро политым помоями.

— Почему ты помогаешь мне? — спросила она наконец, когда они спустились по скользкой лестнице в район Рыбьих Потрохов. — Бесплатных баллад не бывает. Особенно таких опасных.

Лирик остановился возле неприметной двери в кирпичной стене, из щелей которой тянуло жареным мясом и кислотой. — Потому что скучно, — честно ответил он. — Десять лет я пел о драконах, рыцарях и трагической любви

пастушек. Я объездил весь континент. Знаешь, что объединяет всех королей, императоров и верховных жрецов? Они абсолютно предсказуемы. Жадность, страх, похоть. График всегда один и тот же. А ты... — он повернулся, и в полумраке его глаза блеснули азартом игрока. — Ты ходячий хаос. Ты непредсказуема. Ты можешь взорвать этот прогнивший мир к демонам, и я хочу сидеть в первом ряду. Кроме того, — добавил он тише, берясь за дверное кольцо, — Каин прав. Тебе нужны союзники. А я ненавижу Тайную канцелярию. Лет десять назад они конфисковали мой любимый смычок, обвинив его в несанкционированном применении магии очарования. Сволочи разбили ему сердце.

Он толкнул дверь.

Звук ударил по ним тяжелой волной. «Пьяный Грифон», несмотря на бойню, был образцом изысканности по сравнению с местом, куда они вошли. Называлось оно «Улада Морского Мерина», и название полностью соответствовало содержанию. Низкий потолок давил на плечи. Воздух здесь можно было резать ножом и продавать как консервированный дым. Пол был покрыт слоем чего-то липкого, что претендовало на звание соломы, но явно имело органическое происхождение.

Но главное отличие было в людях. Если в «Грифоне» собирались убивать, то здесь собирались праздновать саму жизнь во всей ее неприглядности.

За длинными общими столами сидело человеческое отре-

бье со всего света. Моряки с почерневшими от цинги деснами. Грузчики с бычьими шеями. Женщины, чья профессия читалась в каждом движении и количестве отсутствующих зубов. Шулеры, контрабандисты, скупщики краденого.

Как только вошел Лирик, гомон сменился настороженной тишиной. Десятки глаз — мутных, трезвых, жестоких и отчаянных — уставились на вошедших. Взгляд толпы метнулся от знаменитого барда к двум его спутникам.

И тишина стала плотной, как вода.

Один из грузчиков, огромный детина, заросший бородой до самых глаз, медленно поднялся из-за стола. В руке он сжимал недопитую кружку эля. — Лирик, — прорычал он. Голос звучал как камни, трущиеся друг о друга в камнепад. — Ты привел с собой бабу. И она одета в куртку моего брата Гарла. Которого вчера зарезали в Кривом тупике. Куртка-то в кровище сзади.

Толпа загудела. Ножи, короткие тесаки и тяжелые дубинки начали появляться на столах. Белла почувствовала, как сотни взглядов фокусируются на ней. Их не волновала ее стать или лицо. Их волновала одежда. Оскорбление памяти убитого Гарла.

Лирик поднял руки в примирительном жесте, но улыбка впервые сошла с его лица. — Тише, Бык. Куртка досталась нам честным путем. Нашли в канаве. Если хочешь, можем отдать. Правда, она сейчас размером с салфетку, потому что моя спутница случайно села на нее, когда колдовала.

Бык сделал шаг вперед. Деревянный стул хрустнул под его весом. — Колдовала? — переспросил он, и в маленьких глазах зажегся нездоровый огонь. — Так вы из этих? Чистеньких?

Вот оно. Момент истины. Белла поняла, что прятаться бесполезно. Эта толпа чует страх, как акула — кровь. Любая попытка съежиться, извиниться или бежать приведет к тому, что их разорвут на части просто ради развлечения.

Она вышла из-за спины Лирика. Сделала шаг в центр прохода. Каблуком левой туфли она наступила на кусок гниющей селедки, поскользнулась, нелепо взмахнула руками, врезалась спиной в ближайший стол. Со стола полетели кружки. Одна из них, полная густого черного эля, выплеснулась прямо на грудь Быку.

Грузчик взревел, отбрасывая кружку. Эль стекал по его кожаному фартуку. — Ах ты, сука! — взревел он, замахиваясь огромным кулачищем.

Белла не уклонилась. Она стояла ровно, глядя на него снизу вверх. Кулак летел на нее медленно, закрывая собой тусклый свет ламп. Время растягивалось.

Принцесса вздохнула. Глубоко, втягивая в себя вонь рыбы, пота и дешевого табака.

Ее дар никогда не подчинялся ей полностью. Он был продолжением ее эмоций. Когда она злилась — всё взрывалось. Когда боялась — всё покрывалось хрупкой коркой. Сейчас она испытывала холодное, отстраненное презрение. Презре-

ние к этой вони, к этим лицам, к этому миру, который считал себя вправе судить ее по куску кожи на плечах.

Она вскинула руку. Не угрожающе, а скорее поправляя воображаемый локон.

Температура упала мгновенно. Но на этот раз это был не сухой холод зимы. Это был специфический, точечный, хирургический мороз.

Воздух вокруг промежности Быка и верхней части его бедер покрылся густой изморозью. Капли эля, упавшие на его штаны, превратились в острые стеклянные осколки.

А затем вода в составе ткани начала расширяться.

Раздался звук, похожий на выстрел детского пистолета — громкий, влажный треск разрываемого волокна. Плотная парусина рабочих брюк Быка лопнула по швам от колена до пояса. Огромные ягодицы грузчика, не предназначенные для свежего воздуха порта, оказались выставлены на всеобщее обозрение, припорошенные инеем.

Бык замер с занесенным кулаком. Он опустил глаза. Посмотрел на свою обнажившуюся натуру. Затем медленно перевел взгляд на Беллу. Его лицо начало наливаться свекольным цветом. — Ты... ты мне яйца отморозила, ведьма! — взревел он так, что задрожали балки потолка.

И это стало спусковым крючком.

Кто-то за соседним столом громко заржал. Басовито, залиvisto, сгибаясь пополам. За ним второй. Через секунду половина таверны содрогалась от хохота. Контрабандист по-

казывал пальцем на обнаженный зад Быка, другой пытался вытереть выступившие от смеха слезы, но только размазывал по лицу жир.

Оскорбление чести перешло в первоклассную комедию. Напряжение разрядилось быстрее, чем фитиль бомбы.

Бык, осознав комичность своего положения, издал звук, средний между рычанием раненого медведя и всхлипом. Он бросился на Беллу, забыв про достоинство, движимый единственным желанием — убить, разорвать голыми руками. Но его движения стали неуклюжими. Замерзшие мышцы бедер плохо слушались, а порванные штаны путались в коленях. Он запутался в собственных ногах и с грохотом рухнул лицом в грязный пол, прокатившись по липкой соломе.

Смех перерос в истерику.

— За здоровье отмороженного зада! — выкрикнул чей-то молодой, звонкий голос откуда-то из дальнего угла.

Идея нашла отклик. Вся таверна, казалось, только и ждала команды. — За зад Быка! — подхватил кто-то слева. — Наливай! — грянуло справа.

Хозяин заведения, толстый орк с одним клыком, выскочил из подсобки с дубинкой, готовый прекращать поножовщину, но увидел сцену. Десятки людей тянулись к своим кружкам. Другие лезли в кошельки. — Всем эля за счет заведения! — неожиданно рявкнул орк, пряча дубинку. — За смелую девку и неудачливого Быка! Бар закрывается, когда кончится бочка!

Лирик среагировал мгновенно. Он выступил вперед, вспрыгивая на опрокинутый стол. Лютня взлетела в его руки. — Славьте героев ночи! — крикнул он, и его голос перекрыл рев толпы. — Выпьем за женщину, которая дарит мужчинам свободу... от штанов!

Он ударил по струнам. Зажигательная, скабрёзная мелодия заполнила пространство. Толпа взревела окончательно. Началась вакханалия. Мужчины обнимались, проливая пиво друг другу на головы. Женщины визжали. Кто-то попытался поставить Быка на ноги, но тот продолжал лежать, глухо матерясь в пол.

Белла стояла посреди этого ада, тяжело дыша. Магия выжгла ее изнутри. Во рту появился металлический привкус меди. Ноги подкосились. Тепло сотен пьяных тел, шум, вибрация пола от топота десятков ног — всё это нахлынуло разом, лишая опоры.

Томас вовремя подставил плечо, удержав ее от падения. — Тихо, тихо, — зашептал он ей на ухо. — Вы сделали это. Они любят вас. Боги, они действительно вас любят.

Лирик закончил первый куплет баллады, импровизируя на ходу, описывая битву «Ледяной Фурии и Портков Правосудия», соскочил со стола и подошел к ней. В его руке была огромная глиняная кружка, над которой поднимался пар. — Держите, ваше высочество, — сказал он уже обычным голосом, без театрального пафоса. — Самое крепкое пойло в городе. После него перестают чувствовать разницу между по-

лом и потолком. Вам нужно выпить. Вы бледны, как смерть.

Белла взяла кружку двумя руками. Зубы ее стучали о край глины. Она сделала большой глоток. Огненная жидкость обожгла горло, прокатилась по пищевару жидким пламенем и взорвалась в желудке приятным теплом. Она закашлялась, из глаз брызнули слезы, но дрожь начала проходить.

— Неплохо, — прохрипела она, переводя дух. — Хотя вина в замке лучше.

— Конечно, лучше, — согласился Лирик, прислоняясь к столу рядом с ней. — Но за вино в замке не начинают народные восстания. Смотри.

Он кивнул в сторону центра зала. Бык, красный от смеху стыда, злобы и алкоголя, кое-как натянул на себя какую-то рогожку. Он стоял, окруженный своими товарищами. Те хлопали его по плечам, давали советы по лечению обморожений и вовсю зубоскалили. Враг был нейтрализован смехом. Самый страшный убийца в доках стал главным посмешищем вечера.

К Белле подошла женщина — одна из тех портовых красавиц, чья молодость ушла вместе с половиной зубов, но чьи глаза оставались острыми, как иглы. Она плюхнула на стол перед принцессой тарелку с чем-то дымящимся. — Ешь, девочка, — буркнула она прокуренным голосом. — Ты выглядишь так, будто тебя пропустили через мясорубку. Это бобовая похлебка. Свинина сегодня старая, может быть дизентерия, а бобы безопасны. Почти.

Белла посмотрела на тарелку. Серое месиво не вызывало аппетита, но тепло тарелки приятно грело ладони. Она взяла деревянную ложку.

— Спасибо, — сказала она.

Женщина хмыкнула, пожала плечами и вернулась к своему клиенту, который немедленно получил от нее звонкую пощечину за попытку залезть под юбку.

Лирик наблюдал за всем этим, задумчиво перебирая струны тихим перебором. — Знаешь, в чем разница между тобой и твоим отцом? — спросил он, не глядя на Беллу. — Король Оливер строит стены. Высокие, золотые, надежные. Он думает, что стена защитит его от мира. А ты только что доказала, что лучший способ подружиться с волками — это показать им задницу вожака стаи. Мир внизу, принцесса, держится не на страхе. Он держится на общей шутке. Сегодня ты купила себе полконтинента ценой пары порванных портков.

Белла ела похлебку. Она была пресной и горячей. Впервые за долгие годы еда не имела золотого ободка на тарелке. Вилка не сверкала драгоценными камнями. Но эта еда, съеденная стоя, в облаке табачного дыма, под звуки похабной песни о самой себе, была вкуснее любого паштета на королевской кухне.

Она чувствовала взгляды. Сотни глаз. Но теперь в них не было голода хищников. Было любопытство. Опасливое уважение. Та самая слава, о которой говорил Лирик, опуска-

лась на нее тяжелым, теплым плащом. Слухи распространялись быстрее пожара. К утру каждая собака в Валдории будет знать, что Наследница Ляда пьет эль с грузчиками и морозит обидчикам гениталии.

Отец придет в бешенство. Королевство содрогнется. Брачный договор с герцогом Ренаром можно будет выбросить в нужник.

Белла допила остатки пойла и поставила пустую кружку на стол с громким стуком. Звук на мгновение перекрыл общий гул.

Лирик перестал играть. Толпа, почувствовав перемену настроения, начала стихать, поворачиваясь к их столу.

Принцесса вытерла рот тыльной стороной ладони. Ее глаза, прозрачные и холодные, как полярная ночь, обвели зал. Она видела воров, убийц, предателей и отчаявшихся. Свою новую армию.

— Еще эля! — крикнула она. Голос ее окреп, обретя металлические командирские нотки. — И мяса! Самого лучшего! За мой счет!

Она сняла с пальца тяжелый перстень с гербом Валдории — единственную вещь, которую забыла снять при переодевании. Золото ярко блеснуло в дымном воздухе. — Этого хватит, чтобы залить пивом весь нижний город! Пейте, пока городская стража не вспомнила, что умеет читать грамоты! Сегодня ночью «Услада Морского Мерина» становится дворцом!

Реакция была мгновенной и оглушительной.

Потолок дрогнул от восторженного рева. Столы застучали. Огромный Бык, забыв про свое отморозенное достоинство, проревел что-то нечленораздельное и поднял кружку, салютуя ей.

Скандал перешел в легенду. Грандиозный, разрушительный, восхитительный скандал, первая искра настоящего пожара.

Лирик посмотрел на кольцо в руке Беллы, затем на ее сияющее в дыму лицо и тихо присвистнул. — Ну вот, — пробормотал он, возвращая лютню на плечо. — А говорят, принцессы не умеют веселиться.

Где-то вдалеке, за стенами портового квартала, завывали трубы королевской гвардии, прочесывающей улицы. Но здесь, в эпицентре веселья, их никто не слышал. Королева дна родилась, и ее подданные приветствовали ее звоном кружек.

Глава 3. Герой и его эго

Две недели после ночи в «Усладе Морского Мерина» превратили Валдорию в пороховую бочку, где фитиль тлел с каждым днем все ярче.

Король Оливер рвал и метал так, что у него подскочило давление, а личный лекарь прописал ему пиявки за уши. Лорд Малькольм разослал во все концы континента черных голубей с приказом найти принцессу или убить на месте — второе предпочтительнее, чтобы избежать позора. Городская стража удвоила патрули, но народ... Народ любил свою Беллу. Портовые кабаки гудели от песен Лирика, которые менялись каждый вечер, обрастая новыми подробностями о том, как Наследница Льда спасла утопающего щенка, разогнала сборщиков налогов голыми руками и выпила капитана городской гвардии под стол.

Сама же виновница переполоха сидела в библиотеке Северной башни. Томас-конюх, окончательно перешедший в статус личного оруженосца и секретаря, стоял навтыжку у двери, делая вид, что охраняет покой госпожи, хотя на деле просто боялся пошевелиться.

Белла не спала третьи сутки. Перед ней лежали карты торговых путей, реестры золотого запаса Короны и донесения шпионов из соседних королевств. Она читала их жадно, впитывая информацию, как пересохшая губка. Магистр Каин

был прав: мир внизу работал по законам, которые никогда не преподавали леди Агате. Золото двигало армиями сильнее, чем знамена. Голод заставлял людей менять веру быстрее, чем проповеди епископов. И сейчас она видела дыры в бюджете отца, сквозь которые можно было провести целую кавалерийскую дивизию.

— Ваше Высочество, — подал голос Томас, нервно теребя край куртки. — Мастер Тиберий прислал вестового. Он говорит, что если вы не вернетесь к урокам политэкономии, он уйдет в монастырь писать мемуары о своей загубленной жизни.

— Пусть пишет, — отрезала Белла, не отрывая взгляда от пергамента. — Скажи ему, что я открыла новый закон экономики. Если заморозить казначея, налоги собираются на срок процентов быстрее из-за страха перед переохлаждением органов малого таза. Иди, Томас. Принеси мне еще чаю. И булочек. С корицей.

Конюх вздохнул, поклонился и вышел. Белла осталась одна в полумраке, разгоняемом лишь свечами. Она потеряла воспаленные глаза. Ей нравилось это новое чувство — ясность ума. Страх улицы, стыд помоев в волосах и ледяной ужас при виде бойни в трактире выжгли из нее детскую капризность. Осталась только сталь. Холодная, острая, звенящая.

Внезапно тишину замка разорвал звук, которого здесь не слышали со времен последней войны. Рев боевого горна.

Низкий, вибрирующий, требовательный. Он шел не со стороны главных ворот, откуда обычно въезжали послы, а со стороны Рыночных ворот — грязных, вечно забитых телегами мясников.

Белла вскочила. Горн протрубил трижды — сигнал герольдии для прибытия лица высокого ранга, требующего немедленного приема без соблюдения протокола ожидания.

Она подбежала к узкому стрельчатому окну, выходящему на внутренний двор. Внизу царила суматоха. Стража выстраивалась шпалерами, латники спешно натягивали чистые туники поверх кольчуг. У центрального фонтана — того самого, который Белла периодически замораживала назло отцу, — разворачивался пурпурный шатер.

А рядом с шатром бил копытом конь.

Это была не лошадь. Это был монумент из мышц, вороной стали и высокомерия. Животное переступало ногами так изящно, словно танцевало менуэт, несмотря на вес всадника и полной брони. Но взгляд Беллы приковал не конь.

Всадник снял шлем.

Он соскочил на брусчатку одним плавным движением, которое противоречило всем законам физики — столько веса должно было обрушиться на ноги с грохотом, но ступил он бесшумно. Мужчина был огромен. На голову выше любого гвардейца. Плечи распирали кожаный дублет, надетый поверх легкой кольчуги. Волосы цвета старой меди были стянуты в небрежный хвост на затылке, открывая лицо, кото-

рое скульпторы высекают из мрамора, когда хотят угодить богам. Резкая линия челюсти, нос, явно ломаный минимум дважды, но ставший от этого только благороднее, и глаза — два осколка синего зимнего неба, холодные и оценивающие.

Каэль. Меч Заката. Лев Севера. Самый молодой капитан наемничьего Братства Щита, чьи клинки стоили дороже годового дохода некоторых баронств. Человек-легенда, чья биография состояла из выигранных безнадежных осад, убитых чудовищ и разбитых женских сердец от Солнечной Бухты до Железных Гор.

И он приехал в Валдорию.

Белла почувствовала, как ее сердце пропустило удар. А затем забилося быстро-быстро, совсем не в такт тому ледяному ритму, к которому она привыкла. От кадыка вниз прокатилась горячая волна.

— Томас! — крикнула она, бросаясь к шкафу с одеждой. — Живо! Синее платье! То, с серебряной вышивкой! Нет, красное! Я должна выглядеть как пожар среди льдов!

Приемный зал гудел. Король Оливер сиял, как начищенный медный таз. Еще бы — приезд Каэля означал подписание контракта. Наемники Братства Щита должны были встать на южных рубежах против кочевников. Это укрепляло трон лучше любой пропаганды.

Каэль стоял перед троном. Он склонил голову ровно настолько, насколько требовал этикет, чтобы обозначить ува-

жение, но не признать вассалитет. Его движения были экономными, хищными. Казалось, даже стоя смирно, он сканирует потолок на предмет стрелков, а колонны — на предмет прячущихся убийц.

— Великий Воитель! — вещал король, всплескивая пухлыми руками. — Оплот Чести! Мы счастливы приветствовать вас в нашем скромном доме...

Белла стояла чуть позади отцовского трона, скрытая тенью балдахина. Она выбрала темно-бордовое бархатное платье. Глубокое декольте открывало ключицы, талия была затянута так туго, что дышать приходилось верхним отделом легких. Служанки уложили ее волосы в сложную конструкцию, выпустив одну прядь намеренно небрежно падать на плечо. Она потратила час, чтобы нанести на веки немного серебристой пыли, подчеркивающей прозрачную льдистость глаз.

Она ждала, что он посмотрит на нее. Что его суровое лицо смягчится. Что легендарный герой увидит в ней не просто дочь короля, а женщину. Равную.

Каэль закончил доклад королю о состоянии дел на границе. Голос у него оказался низким, с легкой хрипотцой человека, много кричащего команды сквозь бури. — ...орды Песчаного Хана пожирают деревни. Нам нужны провиант, кузнецы и аванс в пятьдесят тысяч золотом. Взамен мы удержим перевал Ворона три месяца. Или умрем.

Последняя фраза прозвучала не как угроза, а как сухой

факт, вроде прогноза погоды.

Оливер закивал, заверяя в поддержке Короны. Каэль выслушал, коротко кивнул и наконец повернул голову.

Его синий взгляд скользнул по лицу короля, мазнул по лысине советника Малькольма, оценил расстановку гвардейцев... и остановился на Белле.

Время замедлилось. Принцесса выпрямилась, готовясь подарить ему самую очаровательную, самую загадочную улыбку из своего арсенала. Ту, от которой падали ниц герцоги.

Губы Каэля дрогнули. Уголки рта поползли вверх. Но это не была улыбка восхищения. Это была усмешка. Искренняя, широкая и абсолютно лишенная всякого почтения. Усмешка взрослого мужчины, увидевшего ребенка, нарядившегося в латы отца.

Он едва заметно покачал головой. Не осуждающе, а скорее разочарованно. Затем отвел взгляд и снова обратился к королю: — Когда выступаем?

Мир Беллы рухнул. Кровь бросилась в лицо. Жар сменился арктическим холодом. Никто. Никогда. За двадцать лет ее жизни никто не смотрел на нее как на пустое место. Даже ледяные статуи в саду реагировали на ее присутствие более эмоционально.

— Вы находите мою дочь интересным элементом интерьера, сир рыцарь? — процедила она, выходя из тени. Ее голос звучал идеально ровно, но воздух вокруг нее ощутимо

похолодел. Лепестки цветов в вазах на колоннах покрылись инеем.

Каэль медленно повернулся к ней всем корпусом. Теперь он возвышался над ней подобно скале. Он смерил взглядом ее декольте, тонкую талию, дорогую ткань платья. Оценил стоимость жемчуга на шее. А потом посмотрел ей прямо в глаза.

— Я нахожу вас очень дорогой, принцесса, — сказал он своим спокойным, будничным голосом. — Очень чистой. И смертельно скучной. Вы пахнете пчелиным воском, духами и страхом показаться несовершенной. На поле боя от такого запаха тошнит.

Лорд Малькольм ахнул. Придворные дамы зашушукались. Лицо короля Оливера начало приобретать оттенок свеклы.

Белла замерла. Ее магия всегда была отражением эмоций. Сейчас эмоция была слишком сложной, чтобы вылиться в простой взрыв. Это была смесь унижения, уязвленного самолюбия и какой-то первобытной, животной досады. Ей хотелось одновременно зарыдать и запустить в него молнией.

— Я не знаю, что такое страх, наемник, — тихо произнесла она, делая шаг вперед. Платье прошелестело по полу. — Я держу зиму в своих венах. А вот вы... вы пахнете кровью, дешевым элем и вчерашней похлебкой. Вы привыкли общаться с людьми, которые мочатся в собственные штаны при звуке вашего имени. Здесь вам придется учиться мане-

рам.

Каэль фыркнул. Натурально, громко, как рассерженный кот. Звук эхом отразился от сводов зала. — Манеры? — он сделал шаг навстречу, сокращая дистанцию опасно близко. Белле пришлось задрать голову, чтобы смотреть на него. — Мои манеры просты, девочка. Я прихожу туда, где умирают люди. Я смотрю, как кишки наматываются на мечи. Я хоронил друзей в общих могилах, потому что собирать их части тела по кустам было некогда. Так что прости, если твой великосветский щебет про погоду и фасоны рукавов кажется мне менее увлекательным, чем вопрос о том, успеют ли южные ворота закрыться до захода солнца.

Он развернулся на каблуках, давая понять, что разговор окончен, и направился обратно к выходу, где его ждали капитаны отряда.

— Стоять, — прошипела Белла.

Воздух в зале стал колким. Температура упала резко. Вода в чашах фонтанчиков, встроенных в стены, пошла трещинами.

Каэль остановился. Обернулся через плечо. — Ты хочешь поиграть в магию, принцесса? — лениво спросил он. — Давай. Заморозь меня. Посмотрим, сколько ты продержишься, когда настоящий холод придет с перевалов. Мой клинок режет демонов. Думаешь, твоя детская метель его остановит?

Это стало последней каплей. Назвать ее силу «детской метелью» было святотатством. Белла вскинула руки. Она не со-

биралась его убивать. О нет. Она хотела преподать урок. Показать этому самодовольному мужлану, кто такая Наследница Льда.

Из ее ладоней вырвался концентрированный поток абсолютного нуля. Это не был широкий веер холода. Это была белая, шипящая струя энергии, способная превратить гранит в пыль. Она целилась не в человека — убийство гостя каралось смертью, да и желания убивать не было. Она целилась в его гордость. В ножны.

Струя ударила точно в перекрестье его бастарда — огромного двуручного меча, висевшего за спиной. Рукоять оружия была обмотана черной кожей, наверху украшал крупный рубин.

Магия встретилась с металлом. Раздался оглушительный визг разрываемого воздуха. Рубин мгновенно потрескался и осыпался серой пылью. Кожа на рукояти вспыхнула и обратилась в пепел.

Но самое страшное произошло с лезвием.

Закаленная в крови дракона сталь, которую не брали никакие зачарования, начала покрываться узором инея. Сначала тонким, кружевным. Затем толще. Мороз пошел по клинку, проникая в саму структуру металла. Лезвие зазвенело, издавая низкий, мучительный стон рвущихся молекулярных связей.

Каэль обернулся. Его расслабленность испарилась. Синие глаза сузились в две опасные щели. Он услышал этот звук.

Звук смерти своего оружия.

Одним неуловимым движением — смазанным, слишком быстрым для человеческого глаза — он сорвал ножны и перехватил меч обеими руками, пытаясь защитить его от остаточного выброса магии телом.

Поздно.

Центральная часть широкого дола (продольного желоба) меча лопнула с хрустальным звоном. Металл рассыпался. Великолепный, легендарный клинок развалился на три неравные части. Рукоять с жалким обломком стали осталась в руках рыцаря, а средняя часть лезвия, длиной в локоть, хрупкая, как стекло, упала на мраморный пол и раскололась вдребезги.

В Большом Приемном Зале повисла мертвая тишина. Было слышно только тяжелое дыхание короля и тихий звон осыпающихся с потолка кристалликов льда.

Каэль стоял посреди зала. Могучий воин, победитель чудовищ. И выглядел он сейчас нелепо и трагично, сжимая в огромных лапищах короткую резную палку с бесполезным куском железа на конце.

Он опустил взгляд на обломки у своих ног. Затем поднял глаза на Беллу.

В них больше не было насмешки. Не было снисхождения. Там плескалось чистое, дистиллированное бешенство. Тихое, холодное и куда более страшное, чем любой крик.

— Ты... — начал он. Слово застряло в горле, превратив-

шись в рык. — Ты хоть понимаешь, что ты сделала?

Белла тяжело дышала. Магия отступила, оставив после себя звенящую пустоту в груди и головокружение. Она смотрела на дело рук своих. Впервые она увидела результат своей силы не как забавный фокус, а как разрушение. Она уничтожила вещь, которая была для него продолжением руки. Партнером. Священным предметом.

— Я... я могу заплатить, — пролепетала она, чувствуя, как уходит показная храбрость. — У моего отца лучшая оружейная...

Каэль издал короткий, лающий смешок. В нем не было радости. Только горечь. — Заплатить? — он шагнул к ней. Гвардейцы дернулись, поднимая алебарды, но рыцарь даже не взглянул на них. Он подошел вплотную, нависая. — Мне не нужно золото твоего отца, принцесса. Мне нужен мой клинок. Тот самый, который я нес от Заставы Скорби. Тот, которым я вырезал сердце Праматери Гидры. Этот металл нельзя перековать. Его нашли в ядре упавшей звезды. Ему тысяча лет.

Он ткнул тупым концом рукояти в ее грудь. Удар был не сильным, но Белла пошатнулась, сделав шаг назад. — Ты разбила историю, избалованная дура. Потому что тебе показалось, что тебя обидели. Ты играешь в войну, сидя на теплых подушках. А война сегодня сожрала мое единственное настоящее оружие.

Он убрал руку. Развернулся. Его плечи были напряжены

так, что казалось, кожа лопнет. — Передайте вашему отцу, — бросил он через плечо, обращаясь к оцепеневшему Малькольму, — что контракт расторгнут. Братство Щита не служит тем, кто портит инвентарь ради детской истерики. Мы уезжаем. Немедленно.

Он пошел к дверям, чеканя шаг. Капитаны, стоявшие в проходе, мрачно расступились, глядя на обломки меча с суеверным ужасом.

Белла стояла, прижимая руку к груди там, куда пришелся тычок. По щеке скатилась одинокая слеза. Но это была не слеза обиды. Это была слеза бессильной ярости.

«Нет», — подумала она. Мир впервые отказал ей. Отец орал, придворные смеялись за закрытыми дверями, наставницы качали головами. Но они всегда оставались. Они зависели от нее. А этот человек просто ушел. Растоптал ее авторитет, пережил ее магический удар и ушел, потому что ему было плевать на корону Валдории.

— Томас, — голос ее прозвучал хрипло, но уже обретал металлические нотки. — Конюшню. Быстро. Лучшую лошадь. Серую в яблоках.

Конюх побледнел. — Ваше Высочество, он же уехал... Догнать отряд Каэля невозможно, у них заводные лошади, они меняют их каждые десять миль...

— Я сказала, седлай! — рявкнула Белла так, что зазвенели витражи. — Я не отпускаю дела незаконченными. Особенно такие дорогие.

Через пятнадцать минут принцесса Изабелла вылетела из Южных ворот замка. Она проигнорировала парадный выезд и спустилась по веревке из окна библиотеки — навык, приобретенный в трущобах. Вместо дамского седла она велела оседлать боевого жеребца Томаса. Сама она сидела в брюках для верховой езды, заправленных в высокие сапоги, и в той самой вонючей кожаной куртке из «Пьяного Грифона».

Платье осталось валяться лужицей бархата на полу спальни.

Холодный ветер бил в лицо, выдувая остатки придворной благопристойности. Белла сжала коленями бока коня. Она знала, что погоня бессмысленна. Каэль и его люди уже наверняка растворились в лесах, направляясь к южной границе. Но она не собиралась его догонять.

Ей нужно было другое.

Она свернула не на юг, а на восток. К Кузнечному Холму. Району, где жили те, кто умел разговаривать с огнем и железом. Те, кого аристократы считали грязными ремесленниками, недостойными дышать одним воздухом с дворянством.

К вечеру она нашла то, что искала. Заброшенную литейную на окраине холма. Место, куда боялись ходить даже стражники из-за слухов о безумии владельца.

Мастер-кузнец оказался огромным стариком, сплошь состоящим из мускулов и ожогов. Одна нога была деревянной, половина лица сплавлена в неподвижную маску после взры-

ва доменной печи. Он сидел у наковальни в крошечной темноте и крутил в руках кусок обсидиана.

Когда Белла вошла, звякнув колокольчиком над дверью, старик даже не поднял головы. — Если пришла просить амулет от прыщей, иди к аптекарю, девка, — прохрипел он. — Я куя железо, а не мажу морды салом.

— Мне нужно выковать меч, — сказала Белла, скидывая капюшон. Свет от углей в горне упал на ее лицо. — Из звездного металла.

Старик замер. Деревянная нога перестала отбивать дробь по земляному полу. Медленно, очень медленно он поднял свой единственный зрячий глаз. Взгляд старого мастера впился в принцессу, пробежал по одежде, оценил посадку в седле, мозоли на руках, которые она пыталась спрятать в перчатках, и остановились на глазах.

— Звездный металл закончился тысячу лет назад, — говорил кузнец. — Последний кусок ушел на игрушку одного северного варвара. Говорят, тот варвар недавно сломал ее об колено одной глупой девчонки.

— Значит, мы найдем новый, — Белла подошла ближе. Она достала из поясной сумки тяжелый кожаный мешочек и швырнула его на верстак. Мешок глухо звякнул. Старик заглянул внутрь. Его брови взлетели. Внутри тускло переливались необработанные алмазы величиной с голубиное яйцо. Десять штук. Казна небольшого графства.

— Этого хватит, чтобы купить провинцию, — заметил

кузнец.

— Этого хватит, чтобы построить новую печь, — парировала Белла. — Самую жаркую. Способную плавить базальт. И чтобы работала всю ночь. Я буду помогать. Я умею поддерживать температуру точно до градуса. Этому научил меня отец, когда думал, что я учусь сервировать стол.

Старик долго смотрел на нее. Затем перевел взгляд на дверь, словно ожидая увидеть за ней гвардию короля. — Зачем тебе это? — спросил он. — Славы захотелось? Чтобы герой вернулся и пал к ногам? Романтическая дурь сгубила больше девушек, чем чума.

Белла подошла к наковальне. Положила на нее свою правую руку. Воздух вокруг ладони пошел морозным паром. — Славы мне хватает, мастер. Меня достаточно обсуждают в каждой канаве этой страны. Я хочу уважения. Он смотрит на меня как на фарфоровую куклу, потому что я ничего не создала своими руками. Я только разрушала. Сегодня я дала слово себе. Я выкую ему новый клинок. Такой, который не разобьется от детского нытья.

Она подняла взгляд на кузнеца. В ее прозрачных глазах плясали отсветы пламени. — А если он его не примет... я вбью этот меч в землю между ним и его врагами сама. И пусть попробует назвать меня скучной, когда я буду держать линию фронта.

Кузнец крикнул. Что-то среднее между смехом и кашлем вырвалось из его груди. Он встал, опираясь на молот вместо

клюки. Подошел к печи и поворошил угли тяжелым башмаком. — Три дня, — бросил он через плечо. — Три дня без сна. Будем варить сталь. Первый день ищем руду. Второй — очищаем. Третий — куем. Звездный металл мы не найдем, но сделаем кое-что получше. Сплав адамантина с холодной слюдой. Будет хрупким на излом, но твердым как ложь министра. Справишься?

Белла закатала рукава куртки. Достала свои руки — белые, ухоженные, с маникюром, который стоил целое состояние. Посмотрела на них. И решительно схватила первую попавшуюся кирку, прислоненную к стене.

— Начинайте топить печь, мастер, — сказала она. — У меня очень замерзли руки. Нужно их согреть.

Каэль покинул город на закате.

Отряд из пятидесяти лучших бойцов Севера вытянулся змеей по Королевскому тракту. Копыта коней месили грязь. Люди молчали. Потеря Мастера Клинка — так звали его меч — была плохой приметой. Очень плохой. Для наемника остаться без именного оружия значило потерять удачу.

Сам Каэль ехал впереди. Он забрал у одного из солдат обычный пехотный фальшион — грубую, тяжелую железку, сбалансированную хуже, чем крестьянский цеп. Оружие ощущалось в руке как бревно. Каждый взмах отдавался болью в запястье. Но злость внутри рыцаря разгоралась жарче любого горна.

Не из-за меча. Железо есть железо. Он чувствовал странное, тянущее беспокойство. Девчонка.

Когда вспышка холода ударила в него в зале, он ожидал почувствовать обычную сырость, липкость бытовой магии. Но то, что плеснуло от принцессы, было иным. Это был чистый Абсолют. Источник такой мощности, что у закаленного ветерана волосы на руках встали дыбом.

Она играла им. Как кошка с мышью. Высмеивала, флиртовала, выводила из себя. А потом, когда он решил поставить точку, показала зубы. И эти зубы оказались острее волчьих.

«Разбила метеоритный сплав, — думал он, вгоняя пятки в бока коня. — Одним щелчком пальцев. Да ею корабли топить можно».

Впереди показался поворот на Восточный лес. Там, в глубине чащи, была старая сторожевая башня. Идеальное место для ночлега. Каэль собирался выставить усиленные караулы, выпить кварту эля и попытаться забыть ощущение пустоты на поясе слева, где раньше висели ножны.

Они углубились под кроны деревьев. Сумрак сгустился. Птицы замолкли. Лес давил тишиной.

Каэль поднял руку, приказывая отряду остановиться. Инстинкты, сотни раз спасавшие ему жизнь, вопили об опасности.

Тишина была неправильной. Слишком плотной.

— Рассредоточиться! — рывкнул он, вытаскивая неуклюжий фальшион. — Щиты сомкнуть! Луки к бою!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.